

ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Статьи по расколо—и секто-вѣдѣнію за второе полугодіе 1902 г.

Общее замѣчаніе о нихъ.—Къ вопросу о причинахъ устойчивости старообрядческаго раскола. — Народная школа, какъ орудіе противораскольнической миссіи.—Неужный походъ противъ земскихъ школъ.—Вѣскій голосъ противъ устарѣлыхъ приѣмовъ миссіонерской борьбы съ расколомъ.—Издъ современной жизни единовѣрія. — Къ извѣстіямъ о духоворахъ въ Канадѣ. — Неосновательныя притязанія къ приходскому духовенству по поводу донесеній о пропагандѣ мистическаго сектантства.—
Новый миссіонерскій журналъ.

Вторая половина истекшаго 1902 года представляетъ мало интереснаго и достойнаго вниманія въ области журнальной литературы о русскомъ старообрядческомъ расколѣ и сектантствѣ. Ни въ специальныхъ органахъ миссіонерской борьбы съ названными явленіями религіозной жизни нашего народа— „Миссіонерскомъ Обзорѣніи“ и „Миссіонерскомъ Сборникѣ“, ни въ общей духовной печати нельзя отмѣтить за указанное время ни одной статьи, имѣющей серьезную цѣнность въ научномъ отношеніи по новизнѣ сообщаемыхъ данныхъ или по вѣрности освѣщенія доселѣ неразъясненныхъ вопросовъ расколо—и секто-вѣдѣнія. Въ большей мѣрѣ заслуживаетъ вниманія эта литература съ миссіонерско-практической стороны. Можно указать нѣсколько удачныхъ полемическихъ статей или „бесѣдъ“, направленныхъ къ обличенію различныхъ заблужденій расколо-сектантства или къ опроверженію неправыхъ нареканій на православную церковь и ея установленія. Такова „бесѣда о причинахъ отдѣленія раскольниковъ старообрядцевъ отъ православной церкви“ екатери-

нославскаго миссіонера о. *С. Шалкинскаго* (Мисс. Обзор., окт. стр. 476—490 и ноябрь стр. 665—681): не выдаваясь какими-либо чрезвычайными особенностями содержанія, она должна быть не безынтересною для лицъ, занимающихся полемикой съ расколомъ, по группировкѣ матеріала и способу пользованія имъ, показывающему въ авторѣ опытнаго дѣятеля противораскольнической миссіи. Такой же интересъ для борцовъ съ сектантствомъ представляетъ „бесѣда съ штунд-баптистами о необходимости принадлежать для спасенія къ истинной церкви Христовой“, принадлежащая искусному перу харьковскаго противосектантскаго миссіонера *Д. И. Боголюбова* (тамъ же, ноябрь стр. 657—664), и его же „Миссіонерскіе очерки“ (сент. стр. 303—6 и 448—453), интересные, впрочемъ, больше какъ бытовья сцены, чѣмъ какъ образцы полемики. Но эти и имъ подобныя статьи рассчитаны на слишкомъ опредѣленный кругъ читателей, чтобы можно было подробно остановиться на нихъ въ настоящемъ обзорѣ. На послѣдующихъ, отведенныхъ для него страницахъ мы стараемся съ возможною полнотою отмѣтить лишь то, что имѣетъ болѣе или менѣе общій интересъ.

Таковы, прежде всего, нѣкоторыя замѣчанія о причинахъ устойчивости старообрядческаго раскола и наиболѣе цѣлесообразныхъ средствахъ борьбы съ нимъ, изложенныя въ статьѣ о. *Л. Смирнова*: „Значеніе школьнаго образованія въ дѣлѣ противораскольничьей миссіи“ (Мисс. Обзор., окт. стр. 421—428). Авторъ, священникъ одного изъ приходо-въ калужской епархіи, обильнаго по числу живущихъ среди православнаго населенія раскольниковъ—старообрядцевъ (свыше 4000), даетъ слѣдующую любопытную характеристику мѣстнаго раскола: „Фанатизмъ и нетерпимость къ православію — пишетъ онъ — совершенно исчезли въ массѣ современныхъ намъ раскольниковъ и отошли уже въ область исторіи. Въ нашемъ приходѣ нѣтъ и за послѣдніе десять лѣтъ не было ни одного случая оскорбленія раскольниками православнаго священника, нарушенія порядка при церковныхъ торжествахъ или чего-нибудь тому подобнаго. Можно сказать болѣе этого: современные раскольники не только не фанатичны, но и не тверды въ своей вѣрѣ и далеко не крѣпко убѣждены въ несомнительности своего священства. Бесѣды, въ началѣ привлекавшія къ себѣ горячее вниманіе раскольниковъ, те-

перь для нихъ мало уже интересны, такъ какъ они увѣрены, что съ теоретической стороны на бесѣдахъ всегда ожидаетъ ихъ пораженье, что они не могутъ доказать законности своего отдѣленія отъ церкви. Однако, не смотря на это, движеніе въ православіе еще очень слабо; 10—20 присоединеній въ годъ изъ 4000 душъ нашего прихода не могутъ бороться съ естественнымъ приростомъ населенія, и *расколъ годъ-отъ-году численно умножается*. Эта, довольно неожиданная на первый взглядъ, сравнительная безрезультатность усилій, направляемыхъ къ искорененію мѣстнаго раскола, объясняется, по мнѣнію о. Смирнова, *односторонностью нашей миссіи*. Въ послѣдней, какъ извѣстно, въ ряду средствъ воздѣйствія на расколъ на первомъ планѣ доселѣ остаются публичныя собесѣдованія съ старообрядческими начетчиками и вожаками о предметахъ разногласія раскола съ православно-русскою церковью. Намъ уже не разъ въ предыдущихъ обзорахъ приходилось высказываться о преувеличенности надеждъ, возлагаемыхъ на это средство, и отмѣчать отдѣльные голоса противъ чрезмѣрнаго увлеченія имъ, начинающіе раздаваться изъ среды самихъ дѣятелей противораскольнической миссіи. Не раздѣляетъ этого увлеченія и авторъ разсматриваемой статьи, не находя возможнымъ ожидать, чтобы старообрядцы перемѣнили свое „вѣроисповѣданіе“ изъ-за убѣжденія въ его теоретической или, какъ онъ выражается, „догматической“ несостоятельности. Дѣло въ томъ, что „религіозная жизнь раскольниковъ основана и питается не догматическими ученіями, а строгимъ и истовымъ соблюденіемъ обрядовъ и богослуженія и выдержанностію виѣшняго порядка жизни. Всѣмъ извѣстно, съ какою любовію и тщаніемъ раскольники кладутъ на себѣ крестное знаменіе; приступаютъ ли они къ пищѣ и питью, входятъ ли въ домъ, они обязательно истово крестятся нѣсколько разъ, а входя въ храмъ, они кладутъ извѣстное количество крестовъ и съ опредѣленными молитвами, съ четками въ рукахъ и подручниками. Приходитъ постъ: всѣ они, не только взрослые, но даже и маленькія дѣти, ѣдятъ сухую пищу безъ масла два раза въ день, а во время говѣнія и одинъ разъ. Въ храмѣ раскольники стоятъ чинно или сложивъ руки на груди, или крестясь и кланяясь вслѣдъ за уставщикомъ дружно, всѣ вмѣстѣ. Все это они совершаютъ

съ любовію, видя въ строгомъ соблюденіи всѣхъ обрядностей и постовъ главное условіе для своего спасенія. И попы ихъ на исповѣди спрашиваютъ о постахъ да поклонахъ, и мать маленькихъ дѣтей учитъ тому же. Весь складъ ихъ жизни выдержанъ въ обрядовомъ духѣ. Въ томъ же самомъ духѣ, соединенномъ съ нетерпимостью и враждою къ православной церкви, укрѣпляются подроставшія раскольническія поколѣнія наставленіями начетчиковъ, уставщиковъ и молеельницъ, до самаго послѣдняго времени состоявшихъ единственными учителями и воспитателями всѣхъ дѣтей состоятельныхъ раскольниковъ. Такимъ образомъ, „и семейное воспитаніе, и школьно-раскольничье, и вліяніе поповъ, все это вмѣстѣ образовываетъ въ современномъ раскольникѣ тотъ душевный складъ, который даетъ ему силу противостоятъ условіямъ православной миссіи и дѣлаетъ его спокойнымъ за правильность его пути ко спасенію“.

Вникая въ эти замѣчанія, нельзя не согласиться, что въ нихъ довольно удачно отмѣчена та сторона раскола, которая, дѣйствительно составляя его силу и объясняя его устойчивость, остается, однако, внѣ воздѣйствія „односторонней“ миссіи, всецѣло поглощаемой заботами объ изблеченіи теоретическихъ заблужденій старообрядчества посредствомъ публичныхъ словопреній. Послѣднія имѣютъ дѣло съ старообрядчествомъ, какъ съ совокупностью преимущественно обрядовыхъ доктринъ, въ отношеніи къ которымъ кажется достаточнымъ расшатать ихъ ненадежныя основанія, чтобы окончательно подорвать вѣру въ эти доктрины. Между тѣмъ въ дѣйствительности расколъ изначала и до сихъ поръ представляетъ собою замкнутый въ рамки рѣзкой исключительности своеобразный строй мысли и жизни, весь проникнутый традиціями *религіозной* старины. Разумѣется, мы имѣемъ въ виду расколъ, какимъ онъ долженъ быть по сознанію своихъ лучшихъ представителей, а не тѣ, хотя бы и заурядныя, явленія его внутренней жизни, на которыя сами старообрядцы смотрятъ лишь какъ на печальныя „патанія“ и слабости въ своей средѣ. Указаніе на эти недостатки столь же мало можетъ подорвать у старообрядца-раскольника вѣру въ истинность исповѣдуемыхъ имъ доктринъ и надежность доступныхъ для него средствъ душевнаго спасенія, какъ мало въ пасъ, православныхъ, можетъ

возбудить сомнѣніе въ святости православія указаніе на существованіе такихъ же недостатковъ у насъ. Сомнѣніе въ исключительной правотѣ привычнаго строя мысли и жизни можетъ возникнуть въ душѣ раскольника лишь въ томъ случаѣ, если предъ его глазами и сознаниемъ будетъ иной, не менѣе цѣльный и совершенный жизненный строй, столь же отвѣчающій его душевнымъ потребностямъ, т. е. проникнутый тѣмъ же самымъ религіознымъ началомъ. Другими словами,—православіе будетъ въ состояніи одержать своею внутреннею силою верхъ надъ расколомъ только тогда, когда оно жизненно будетъ обнаруживать себя не только какъ религіозная доктрина, имѣющая извѣстныя теоретическія отличія отъ старообрядчества, но и какъ *религіозная дисциплина*, не менѣе твердо, но болѣе разумно, чѣмъ старообрядчество, ведущая своихъ послѣдователей по „спасенному пути“. Все это достаточно ясно показываетъ, что борьба съ расколомъ дѣйствительно должна оставить свою прежнюю односторонность и стать „столь же сложной, какъ сложны тѣ условія, въ которыхъ живутъ раскольники“.

Въ ряду этихъ условій весьма значительную роль, какъ мы видѣли, отводитъ нашъ авторъ воспитательному воздѣйствію на подростующія поколѣнія раскольнической семьи и учителей — начетчиковъ. Въ качествѣ противовѣса этому воздѣйствію онъ рекомендуетъ правильно поставленное школьное воспитаніе, заявляя, что „школы въ дѣлѣ возвращенія раскольниковъ въ лоно православной церкви нужны прежде всего“. Но изъ двухъ существующихъ у насъ типовъ народной школы къ одному онъ относится съ видимымъ несочувствіемъ, находя, что „въ земскихъ школахъ Законъ Божій большею частію въ загонѣ, на третьемъ мѣстѣ, славянское чтеніе ведется только по Евангелію и самымъ небрежнымъ образомъ, пѣнія почти совсѣмъ нѣтъ, въ богослуженіи дѣти не только не участвуютъ, но цѣлой школой рѣдко бывають“. Иное дѣло — школы церковно-приходскія: „въ нихъ священникъ полный хозяинъ, отъ него зависитъ все направленіе школьнаго дѣла. При преподаваніи Закона Божія онъ можетъ и долженъ внушить дѣтямъ правильное отношеніе къ обрядамъ, особенно къ крестному знаменію, образовать въ нихъ должное почтеніе къ догматической сторонѣ христіанскаго вѣроученія, подробно изу-

чивъ съ ними вопросъ о церкви, ея признакахъ, необходимости принадлежать къ ней, о непрерывности іерархіи и о таинствахъ. Славянское чтеніе въ церковныхъ школахъ начинается съ Псалтири, продолжается Часословомъ и оканчивается Евангеліемъ, и уже этимъ школа пріобрѣтаетъ симпатіи раскольниковъ. Церковное пѣніе, обязательное въ церковныхъ школахъ, даетъ возможность пріохотить дѣтей къ православному богослуженію. Мнѣ приходилось наблюдать, — продолжаетъ авторъ, — какъ въ школахъ дѣти постепенно отвыкали отъ своихъ прежнихъ привычекъ, какъ чрезъ два-три мѣсяца имъ начинала казаться странной раскольникья манера пѣть въ носъ и въ одинъ голосъ. Наконецъ, если возможно, священникъ безъ насильственныхъ мѣръ можетъ привлечь раскольникьихъ дѣтей къ православному богослуженію и даже къ участию въ немъ, или приводя ихъ въ храмъ, или, при отдаленности храма, совершая нѣкоторыя службы въ школахъ. Всѣ эти мѣры, если онѣ проводятся мягко, любовно и старательно и не сопровождаются грубымъ обличеніемъ раскола, могутъ произвести полный переворотъ въ дѣтяхъ старообрядцевъ“. Сказанное въ приведенныхъ словахъ относится ближайшимъ образомъ къ однокласснымъ церковно-приходскимъ школамъ, на которыя, не смотря на краткость ихъ курса, возлагается надежда, что они „совсѣмъ перевоспитаютъ молодое поколѣніе“ раскольниковъ. Еще большее значеніе въ дѣлѣ миссіи отводится такъ называемымъ второкласснымъ школамъ: „въ нихъ на лицо всѣ благопріятныя условія для воспитанія дѣтей раскольниковъ: и расширенный кругъ преподаванія Закона Божія съ возможностью изученія краткой исторіи раскола, и сравнительно большій уровень развитія дѣтей, и — наконецъ—что главнѣе всего, жизнь ихъ внѣ семьи (въ обществѣ)“. Давая, такимъ образомъ, школахъ первостепенное значеніе въ дѣлѣ борьбы съ расколомъ, авторъ считаетъ необходимымъ „обратить вниманіе еще на одну сторону этого дѣла. До сего времени во всѣхъ школахъ дѣвочекъ учится много менѣе, чѣмъ мальчиковъ. А всѣмъ извѣстно, что женщина въ расколѣ представляетъ большую силу. Онѣ болѣе консервативны и менѣе развиты, чѣмъ мужчины. Живя въ мірѣ предразсудковъ и суевѣрій, не зная грамоты, онѣ особенно свято соблюдаютъ обряды, часто доходя въ

этомъ до мелочности, а потому никогда не чувствуютъ и не замѣчаютъ недостатковъ своей вѣры. Поэтому то для нихъ не менѣе, чѣмъ для мужчинъ, необходимо школьное образование, а потому въ приходахъ съ расколо-сектантскимъ населеніемъ обязательно должны быть заводимы женскія школы, которыя должны перевоспитать молодое поколѣніе женской половины раскола, тогда послѣдній зашатается и самъ падеть“.

Таковы сужденія о. Л. Смирнова о миссіонерскомъ значеніи церковной школы въ средѣ раскольническаго населенія. Не можемъ отнестись иначе, какъ съ полнымъ сочувствіемъ, къ основной мысли почтеннаго автора, видящаго въ просвѣтительномъ воздѣйствіи на подростующія раскольническія поколѣнія въ обѣихъ ихъ половинахъ, мужской и женской, наиболѣе вѣрный залогъ будущаго примиренія раскола съ православною церковью. Не подлежитъ сомнѣнію, что сынъ или дочь раскольника, получившіе правильное, хотя бы и элементарное школьное образование на ряду съ дѣтьми православныхъ, неизбежно отрѣшатся отъ той узкости и исключительности въ строѣ мышленія, которая характеризуетъ послѣдователей нашего раскола. А открывающаяся такимъ образомъ возможность взаимнаго пониманія и есть уже первая ступень къ сближенію двухъ враждующихъ нынѣ сторонъ на почвѣ безпристрастнаго обсужденія и оцѣнки предметовъ ихъ разногласія. Это будетъ вѣрный и надежный путь къ побѣдѣ надъ теоретическими предубѣжденіями, мѣшающими правильному отношенію къ жизненному укладу противной стороны. Цѣльность же и цѣнность этого уклада должны обнаружиться, конечно, въ немъ самомъ; но и здѣсь школа можетъ въ большой мѣрѣ проявить свое значеніе, являясь разумной руководительницей и наиболѣе вліятельной средой выработки и закрѣпленія учащимся, посредствомъ раннихъ навыковъ, извѣстнаго жизненнаго строя. Намъ кажется, однако, что авторъ разсматриваемой статьи впадаетъ въ ошибку, настаивая на *исключительномъ* значеніи въ дѣлѣ благотворнаго вліянія на подрастающія раскольническія поколѣнія только одного типа народной школы, именно—церковно-приходской. Нельзя не согласиться, что учебный строй послѣдней дѣйствительно даетъ ей въ миссіонерскомъ отношеніи значительное

преимущество предъ земскою школою, менѣе отвѣчающей исторически сложившимся духовнымъ интересамъ и запросамъ нашего простонародья и менѣе возбуждающей, поэтому, довѣрія къ себѣ въ немъ. Справедливо и то, что школа церковно-приходская болѣе заботится интересами религіозно-нравственнаго воспитанія и болѣе имѣетъ средствъ къ тому, чѣмъ школа другого типа. Но отрицать всякое значеніе въ этомъ отношеніи за земскою школою, какъ это дѣлаетъ о. Смирновъ, рѣшительно нѣтъ основаній. Для подкрѣпленія своей мысли онъ прибѣгаетъ къ приему, который не можетъ быть признанъ безупречнымъ. Онъ противопоставляетъ *идеальный* строй церковно-приходской школы возможнымъ, конечно, въ дѣйствительности, но далеко не всегдашнимъ и отнюдь не неизбѣжнымъ недостаткамъ постановки религіознаго воспитанія въ современной земскою школѣ. Но ни для кого не тайна, что въ дѣйствительности и значительная часть церковно-приходскихъ школъ далеко не оправдываютъ своего идеальнаго назначенія, благодаря главнымъ образомъ педагогической неподготовленности учащаго и воспитывающаго персонала, а также невозможности во многихъ случаяхъ цѣлесообразнаго совмѣщенія учебныхъ и священнослужительскихъ обязанностей въ одномъ и томъ же лицѣ. Съ другой стороны, и недостатки, приписываемые авторомъ земскою школѣ, отнюдь не связаны органически съ ея внутреннимъ строемъ: послѣднимъ не предполагается, какъ необходимо, чтобы въ земскихъ школахъ Законъ Божій всегда былъ „въ загонѣ, на третьемъ мѣстѣ“, чтобы славянское чтеніе велось „самымъ небрежнымъ образомъ“, чтобы дѣти не обучались церковному пѣнію и не участвовали въ церковномъ богослуженіи. Никто, полагаемъ, не станетъ оспаривать возможности исполнѣ безупречной постановки указанныхъ сторонъ учебнаго курса земскою школы и ея воспитательнаго вліянія на учащихся, равно какъ и отрицать, что дѣйствительное состояніе учебной и воспитательной части въ школахъ церковно-приходскихъ даетъ иногда поводъ желать лучшаго. Съ своей стороны мы могли бы указать одну хорошо извѣстную намъ не—церковную школу, ученики которой, руководимые законоучителемъ, охотно принимали участіе въ отправленіи богослуженія, а сформированный изъ нихъ же учителемъ многочленный хоръ по

воскреснымъ и праздничнымъ днямъ благоговѣйно и стройно пѣль въ сельскомъ храмѣ на радость предстоящимъ, между тѣмъ какъ существовавшая тутъ же рядомъ церковно-приходская школа, ютившаяся въ жалкой сторожкѣ, съ вѣчно пьянымъ дьякономъ и еле-грамотнымъ дьячкомъ въ роли учителей, бесплодно влачила свое жалкое существованіе. Очевидно, дѣло не въ одномъ только названіи школы да въ намѣчаемомъ программю составѣ ея учебнаго курса, а и въ томъ, кѣмъ и какъ выполняется этотъ послѣдній. Все это заставляетъ насъ признать не совсѣмъ справедливымъ миссіонерскій походъ нашего автора противъ земскихъ школъ. Да и вообще намъ представляется неполезнымъ и нежелательнымъ этотъ вѣчный споръ изъ-за преимуществъ одного типа начальной народной школы надъ другимъ, заставляющій спорящія стороны съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, подмѣчать всякія промахи противника и радоваться всякой его неудачѣ вмѣсто того, чтобы дружными союзниками идти къ одной общей великой цѣли — просвѣщенію родного народа, доселѣ еще въ значительнѣйшей своей части остающагося „во тьмѣ и сѣни смертной“.

По вопросу о миссіонерскихъ собесѣдованіяхъ, мимоходомъ затронутому и въ разсмотрѣнной статьѣ о. Смирнова, заслуживаютъ вниманія сужденія о. М. Дударева, высказанныя на калужскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ, гдѣ, въ качествѣ доклада, была прочитана и упомянутая статья. Они приведены, повидимому, въ точномъ изложеніи въ ноябрьской книжкѣ того же журнала (въ статьѣ: „Миссіонерство, секты и расколъ“, стр. 682 — 4). По наблюденіямъ о. Дударева, много лѣтъ подвизающагося на миссіонерскомъ поприщѣ, методъ собесѣдованія, доселѣ практикуемый православными полемистами съ расколомъ, „устарѣлъ и едва ли можетъ съ пользою примѣняться къ бесѣдамъ съ современными раскольниками“. Измѣнившійся характеръ послѣднихъ, въ значительной степени утратившихъ былой фанатизмъ и нетерпимость въ отношеніи къ православной церкви, требуетъ измѣненія и тактики миссіонерскихъ собесѣдованій съ ними. Православнымъ полемистамъ пора „измѣнить свой взглядъ на раскольниковъ и относиться къ нимъ снисходительнѣе, смотрѣть на нихъ не какъ на враговъ, а какъ на *заблуждающихся* братьевъ, — заблуждающихся болѣею частію

по простотѣ и невѣжеству и по прирожденной привычкѣ, съ которой всякій человекъ съ великимъ трудомъ разстается“. Замѣчаніе—прибавимъ отъ себя — въ высшей степени вѣрное и заслуживающее полного сочувствія. Мысль, содержащаяся въ немъ, представляетъ настолько безспорную истину для каждаго, серьезно интересующагося расколомъ, но не стоящаго въ непосредственной близости къ миссіонерской полемикѣ съ нимъ, что самое возбужденіе вопроса о преимуществахъ того или другого изъ указанныхъ пріемовъ казалось бы совершенно излишнимъ. Но, очевидно, въ специально-миссіонерской средѣ есть люди, которые на это смотрятъ иначе, коль скоро почтенный и заслуженный дѣятель миссіи предъ лицомъ цѣлаго сонма сотрудниковъ на этомъ поприщѣ призналъ не излишнимъ разъяснить имъ, что на заблуждающихся по вопросамъ религіозной обрядности слѣдуетъ смотрѣть *не какъ на враговъ*. Что касается собственно метода миссіонерской полемики, то представители ея, по замѣчанію о. Дударева, до сихъ поръ ведутъ собесѣдованія „по старопечатнымъ книгамъ, обращаясь больше къ уму и убѣжденію отпадшихъ, въ тонѣ большею частію обличительномъ и укоризненномъ. И это надо оставить, измѣнить, потому что раскольники обличеніями ихъ неправоты не убѣждаются, а только раздражаются, такъ сказать, отталкиваются отъ православной церкви. А между тѣмъ молодое поколѣніе, оставаясь въ расколѣ, къ которому давно уже охладѣло, извѣрившись въ его святость, готово вступить на путь религіознаго нововѣрія, не исключая толстовства. Поэтому - то миссіонерамъ и пастырямъ церкви, приходы которыхъ заражены расколомъ, *нужно болѣе держаться увѣщательныхъ, говорящихъ сердцу бестѣхъ, а не обличительныхъ*; неизбѣжны же въ публичныхъ, а равно и въ частныхъ полемическихъ собесѣдованіяхъ съ раскольниками, обличенія смягчать, растворять благодушіемъ, духомъ кротости и братской любви. Чрезвычайно важно не упускать въ обыденной жизни представляющихся случаевъ къ сближенію съ разсудительными и совѣстливыми, не потерявшими страха Божія раскольниками, привлекать послѣднихъ своей прямою, правдивостію, добрымъ совѣтомъ въ дѣлахъ житейскихъ. Нечего православному поборнику истины стѣсняться помогать заблудшимъ братьямъ и посильными

совѣтами и наставленіями, защищать отъ несправедливыхъ нападокъ со стороны православныхъ, удерживать православныхъ отъ рѣзкихъ порицаній, водворяя между тѣми и другими миръ и взаимное согласіе. Иногда одно задушевное слово, ласковый привѣтъ благотворнѣе вліяютъ на раскольника, нежели сто обличительныхъ словъ“. Мы съ особеннымъ удовольствіемъ воспроизводимъ эти прекрасныя разъясненія почтеннаго и опытнаго миссіонерскаго дѣятеля, столь далеко расходящіяся съ полемическимъ азартомъ и доселѣ еще встрѣчающихся не въ маломъ числѣ среди миссіонерствующей братіи рьяныхъ сторонниковъ „словесныхъ турнировъ“ съ старообрядцами въ обстановкѣ публичныхъ собесѣдованій. Этотъ новый и вѣскій голосъ о преимуществѣ простаго „задушевнаго слова“, сказаннаго въ частной бесѣдѣ при удобномъ случаѣ обыденной жизни, тѣмъ больше имѣетъ значенія, что „былъ выслушанъ съ должнымъ вниманіемъ и видимо оставилъ свой слѣдъ на сердцѣ аудиторіи“. Не менѣе любопытно и то, что въ предложенномъ съѣзду г. Добромысловымъ, по поводу доклада о. Дударева, очеркъ исторіи полемическихъ приемовъ въ борьбѣ съ расколомъ были отмѣчены, по видимому, не въ духѣ порицанія, труды проф. Субботина, Голубинскаго и Каптерева, поставившія современную полемику на научную почву. Если припомнить, что сравнительно еще весьма недавно два послѣднихъ имени для многихъ изъ противораскольническихъ ревнителей были чуть ли не синонимомъ отступничества отъ православія и служили мишенью неблагоприятныхъ инсинуаций, то нельзя не признать, что въ области противораскольнической полемики многое за послѣдніе годы измѣнилось. Падаютъ старые авторитеты, и непригодность шаблонныхъ приемовъ становится все болѣе очевидною даже для тѣхъ, кто продолжаютъ пользоваться ими по старой памяти. Призывъ къ обновленію устарѣлыхъ методовъ полемики съ расколомъ является, поэтому, какъ нельзя болѣе кстати и благовременно.

Въ ряду средствъ примиренія старообрядческаго раскола съ православною церковью неоспоримо важнымъ по своему значенію должно быть признано единовѣріе, къ сожалѣнію, съ самаго начала ставшее и доселѣ остающееся поводомъ недоразумѣній для нѣкоторыхъ изъ православныхъ и пред-

метомъ нареканій со стороны старообрядцевъ-раскольниковъ. Нельзя отрицать того, что сами единовѣрцы своимъ отношеніемъ къ обрядовымъ отличіямъ православной церкви нерѣдко давали основаніе къ подозрѣніямъ относительно искренности ихъ единенія съ нею; но есть и факты, говорящіе о противномъ. Весьма отрадную картину сближенія единовѣрія съ господствующимъ исповѣданіемъ въ области церковно-богослужебной рисуетъ проф. *Н. И. Ивановскій* въ статьѣ: „Единовѣріе въ Сарапулѣ, Вятской губерніи“ (Мисс. Обзор., октябрь, стр. 454—467). Не передавая ея содержанія, отмѣтимъ только самый фактъ безпрепятственнаго со стороны единовѣрцевъ допущенія въ единовѣрческомъ храмѣ нѣкоторыхъ особенностей православно-богослужебнаго чина. Правда, изъ разъясненія, даннаго автору мѣстнымъ о. протоиереемъ, видно, что это не вдругъ явилось, а стоило тридцатилѣтнихъ трудовъ. Тѣмъ не менѣе, мы имѣемъ передъ собою примѣръ того, какъ терпѣливое отношеніе къ немощной совѣсти людей, привыкшихъ крѣпко держаться за старинныя обрядовыя формы, можетъ побѣдить силу застарѣлаго предубѣжденія и незамѣтно привести къ тому, чего напрасно стали бы добиваться посредствомъ ожесточенныхъ споровъ или требующихъ немедленнаго, неразумнаго повиновенія начальственныхъ приказовъ.

Относительно одной изъ формъ нашего сектантства довольно любопытныя, хотя уже не новыя въ данный моментъ свѣдѣнія сообщаются въ статьѣ: „Умопомраченіе странной секты“ (Мисс. Обзор., ноябрь, стр. 618—629), гдѣ приведены выдержки изъ нѣсколькихъ иностранныхъ газетъ, рисующія злосчастную судьбу русскихъ духоборовъ въ Канадѣ, и два письма о томъ же самихъ сектантовъ. Изъ сообщеній этихъ видно, какъ далеко зашли бѣдные сектанты—переселенцы, ищущіе царства Божія на землѣ, въ послѣдовательномъ развитіи своего ученія, еще не вылившагося окончательно въ опредѣленную форму. Начавши съ вегетаріанства, съ запрещенія употреблять въ пищу мясо животныхъ, они подвергли затѣмъ такому же запрещенію и всѣ продукты животныхъ организмовъ: масло, молоко, сыръ, яйца и т. п. Отсюда уже не мудрено было додуматься до того, что въ равной мѣрѣ грѣшно употреблять, напр., кожаную сбрую, сдѣланную изъ шкуръ Божіихъ тварей. Далѣе послѣдовало

запрещеніе носить шерстяныя ткани, потому что шерсть растеть на баранахъ и, стало быть, тоже принадлежитъ Господу. Наконецъ, сдѣланъ былъ и еще шагъ, отозвавшійся еще гибельнѣе на экономическомъ строе переселенцевъ: оказалось, что употреблять животныхъ на работы, или вообще пользоваться ими какъ бы то ни было, тоже грѣшно, и у духоборовъ хватило силы воли осуществить и это свое убѣжденіе на дѣлѣ. „Та часть, которая становится на новую жизнь,—читаемъ мы въ одномъ изъ вышеупомянутыхъ писемъ—теперь уже освободила всю худобу (скотъ), неподалеку отъ нашего села устроила два ворка (загоны), одинъ для скотины, другой для лошадей, и гонять скотину и лошадей, кто желаетъ жить по одному согласію съ нами, въ одно свободное стадо. Это стадо теперь уже считается свободнымъ. Такъ и написали прошеніе въ министерство, чтобы оттуда дали права и указали для скота удобное мѣсто, гдѣ бы онъ могъ быть свободнымъ зиму и лѣто, и указали правительству самую главную причину, почему освобождаютъ скотъ: потому что не хотятъ быть врагами и не хотятъ пользоваться отъ чужой шкуры, т. е. труда, а хотятъ кормиться отъ своего труда, однимъ словомъ сказать, хотятъ жить, какъ совершенные люди, Адамъ и Ева, жили предъ лицемъ Господа Бога въ раю, такъ и мы хотимъ теперь“. Исполняя это хотѣнье, такъ мало гармонирующее съ обычными экономическими условіями современной жизни, духоборы, не долго думая взвалили всѣ сельско-хозяйственныя тяготы на свои плечи. Во всѣхъ случаяхъ, когда приходится перевозить тяжелые вozy или фуры, лошадей стали замѣнять мужчины. Когда нужно вспахать поле, нѣсколько человекъ впрягаются въ плугъ; даже женщины участвуютъ въ такихъ работахъ, впрочемъ—только у себя на фермѣ. Для поѣздокъ въ городъ въ фуры впрягаются исключительно мужчины. По словамъ „Чикагской Хроники“, на улицахъ Йорктоуна ежедневно можно встрѣтить телѣги, влекомыя дружиной духоборовъ, которые везутъ на продажу немудрые продукты своего убогаго хозяйства; замѣня ихъ они покупаютъ муку или другіе предметы первой необходимости. Духоборы одѣваются исключительно въ бумажныя ткани и носятъ резиновые сапоги или башмаки, сплетенные изъ бичевокъ. Пища ихъ состоитъ изъ хлѣба и воды, самыхъ простыхъ овощей,

ягодъ и травъ. Фермы ихъ запущены; скотъ, котораго у нихъ въ началѣ было много, дичаетъ, бѣгая по холмамъ, гдѣ ему предстоитъ погибнуть въ зимнюю стужу, или же попасть въ руки людей, не раздѣляющихъ религіозныхъ взглядовъ духоборовъ. Приближеніе зимнихъ холодовъ, грозившее голодомъ и болѣзнями несчастнымъ энтузіастамъ, заставило ихъ покинуть мѣста первоначальныхъ поселеній и двинуться, въ количествѣ 800 человекъ, на поиски болѣе благопріятныхъ условій для жизни согласно ихъ ученію. По сообщенію газеты „The Standard“, эти фанатики бросили большую часть своей одежды, чтобы идти налегкѣ. Они почти нагіе. Всѣ проникнуты желаніемъ обратить въ свою вѣру весь свѣтъ. Многіе изъ нихъ проявляютъ симптомы несомнѣннаго помѣшательства. Правительство въ величайшемъ затрудненіи и не знаетъ, какія мѣры слѣдуетъ принять.—Читая приведенныя сообщенія, съ невольною грустью думаешь о той страшной силѣ религіознаго воодушевленія, которая бесплодно гибнетъ у этихъ несчастныхъ энтузіастовъ, губя и ихъ самихъ на далекой чужбинѣ, куда заброшены они давно покинувшими ихъ вожаками, учениками яснополянскаго учителя... И кажется, что въ печальныхъ злоключеніяхъ этихъ темныхъ людей, умѣющихъ такъ прямолинейно проводить въ жизнь принятое ими за истину, повинны не одни эти вожаки, интеллигентные проповѣдники новаго христіанства,—что не безъ вины въ этомъ дѣлѣ и всѣ, кто имѣетъ возможность и на комъ, слѣдовательно, лежитъ долгъ наученія истинѣ младшихъ братьевъ,—

Мы всѣ, хранители огня на алтарѣ,

Вверху стоящіе, что городъ на горѣ...

Изъ содержанія небольшихъ книжекъ рязанскаго „Миссіонерскаго Сборника“ остановимся на этотъ разъ на отдѣлѣ „Извѣстій по Рязанской епархіи“, хотя и касающемся явленій мѣстной жизни, но представляющимъ въ то же время и общій интересъ по затронутому въ немъ вопросу. Въ книжкахъ 4-й и 5-й „Сборника“ въ упомянутомъ отдѣлѣ приведено нѣсколько донесеній, поступившихъ въ Совѣтъ мѣстнаго миссіонерскаго Братства отъ священниковъ тѣхъ сель, въ которыхъ, по имѣющимся въ Совѣтѣ свѣдѣніямъ, „можно было подозрѣвать существованіе пропаганды мистическаго сектантства. Казалось бы, что осторожность сужде-

ній въ донесеніяхъ подобнаго рода, при достаточной полнотѣ фактическихъ сообщеній, есть дѣло не только похвальное, но и безусловно необходимое. Но такого мнѣнія, повидимому, совсѣмъ не раздѣляетъ лицо, ведущее въ „М. С.“ отдѣлъ мѣстныхъ „извѣстій“. Осторожныя сообщенія приходскихъ пастырей, не питающія миссіонерской подозрительности, возбуждаютъ въ немъ тревожное чувство и кажутся ему несомнѣннымъ показателемъ того, „въ какихъ иногда *ненадежныхъ* рукахъ находится дѣло миссіи противъ сектантовъ мистиковъ и съ какими иногда прямо-таки неожиданными препятствіями приходится считаться учрежденіямъ и лицамъ, озабоченнымъ возможно лучшей организаціей этого дѣла“. Въ подтвержденіе такого суроваго приговора строгій критикъ не достаточно ретивыхъ доносителей подвергаетъ подробному разбору тѣ основанія, на которыхъ опираются отрицательные отвѣты священниковъ о существованіи сектантской пропаганды въ ихъ приходяхъ. Однимъ изъ такихъ основаній служилъ публичный опросъ прихожанъ, которые единогласно показали, что среди нихъ „такихъ народовъ нѣтъ“. Хроникеръ „М. Сборника“ подвергаетъ сомнѣнію справедливость и искренность такого показанія, ссылаясь на то, что тѣ же самые прихожане ранѣе, въ частныхъ разговорахъ съ священникомъ, говорили о существованіи въ приходѣ неправославныхъ, называя ихъ старовѣрами, раскольниками, хлыстами и скопцами. Этимъ сообщеніямъ, сдѣланнымъ въ бесѣдахъ „болѣе интимныхъ и болѣе откровенныхъ“, слѣдуетъ, по его мнѣнію, дать рѣшительный перевѣсъ надъ показаніями, добытыми посредствомъ публичнаго опроса. Другое основаніе, по которому приходскіе священники считаютъ православными лицъ, подозрительныхъ для Совѣта миссіонерскаго Братства, то, что всѣ эти лица въ отношеніяхъ къ храму, священнику и таинствамъ исповѣди и св. причастія вполне исправны и нисколько не отличаются отъ православныхъ. Въ разъясненіе этого нашъ авторъ разъясняетъ ту „азбучную“, по его словамъ, истину, что „тайные сектанты во всѣхъ указанныхъ священниками отношеніяхъ не только не отличаются отъ православныхъ, но нерѣдко оказываются по внѣшности даже болѣе ревностными, чѣмъ православные, и что малоопытные священники нерѣдко считали ихъ даже наилуч-

шими изъ своихъ прихожанъ“. Наконецъ, третьимъ основаниемъ для непризнанія изв. лицъ за сектантовъ являются личныя наблюденія священниковъ, которыя не дали имъ рѣшительно ничего такого, почему бы они могли заподозрить того или другого изъ своихъ прихожанъ въ сектантствѣ. Но и это основаніе признается необѣдительнымъ въ виду того, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ личныхъ наблюденій священника „оказалось недостаточно для установленія съ несомнѣнностію даже такого бросающагося въ глаза факта, какъ неяденіе мяса, непитіе вина и некуреніе табаку...; гдѣ же ручательство, что отъ наблюденія священника не могли укрыться и другіе факты, по самому характеру своему секретныя или менѣе доступныя для наблюденія?“ (М. Сб., кн. 5, стр. 431—3).

Признаемся, не безъ удивленія читали мы эти разсужденія неизвѣстнаго автора, предлагаемыя имъ въ назиданіе и руководство приходскимъ пастырямъ. Сводя ихъ къ немногимъ словамъ, мы получаемъ довольно странное требованіе, чтобы священникъ довѣрчиво прислушивался къ каждой сплетнѣ, именующей изв. часть его прихожанъ „старовѣрами, раскольниками, хлыстами и скопцами“ и, заручившись подобнаго рода свѣдѣніями, смѣло принимался за перо для составленія доношенія Совѣту мѣстнаго миссіонерскаго Братства о существованіи въ своемъ приходѣ сектантовъ, не обращая вниманія ни на отрицательныя показанія, добытыя посредствомъ публичнаго опроса, ни на религіозное усердіе оговариваемыхъ (которое непременно нужно признать фальшивымъ), ни на свои личныя наблюденія, не дающія рѣшительно ничего такого, почему можно было бы заподозрить того или другого изъ прихожанъ въ сектантствѣ. Такое требованіе, конечно, не заслуживало бы опроверженія, если бы оно не выходило изъ-подъ пера лица, стоящаго, по видимому въ близкихъ отношеніяхъ къ Совѣту рязанскаго миссіонерскаго Братства. Это послѣднее обстоятельство побуждаетъ насъ отмѣтить странность вышеизложенныхъ сужденій и неумѣстную рѣзкость замѣчанія неизвѣстнаго автора по адресу приходскихъ пастырей, осторожныхъ въ своихъ донесеніяхъ относительно сектантской пропаганды. Дѣлаемъ это въ твердой увѣренности, что Совѣтъ почтеннаго Братства въ цѣломъ своемъ составѣ не раздѣляетъ воззрѣній,

изложенныхъ на страницахъ „М. Сборника“ и не ставить въ вину священникамъ ихъ осмотрительности въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ всего менѣе умѣстно руководиться смутными толками, циркулирующими въ темной народной массѣ. Безъ сомнѣнія, эти толки не могутъ и не должны быть совсѣмъ игнорируемы священникомъ; но возбуждать по поводу ихъ тревогу, пока эти толки не подтвердятся его личными наблюденіями надъ религіозной жизнью своихъ прихожанъ, по меньшей мѣрѣ преждевременно и во всякомъ случаѣ—едва ли очень полезно.

Мы могли бы закончить на этомъ свой настоящій обзоръ; но считаемъ не излишнимъ въ заключеніе привести нѣсколько словъ со „скрижалей сердца“ редактора—издателя „Мисс. Обзорнія“, напечатанныхъ въ декабрьской книжкѣ этого журнала. Почтенный представитель современнаго сектовѣдѣнія направляетъ нѣсколько довольно рѣзкихъ упрековъ по адресу „завзятыхъ расколофиловъ“ (такъ почему-то именуется онъ занимающихся расколовѣдѣніемъ) за то, что они горько плачутся и *voпiютъ* объ отсутствіи спеціального органа противораскольнической миссіи, на страницахъ котораго могли бы находить себѣ мѣсто ихъ труды, въ частности—подробные разборы новѣйшихъ раскольничьихъ сочиненій, во множествѣ нынѣ появляющихся. Онъ считаетъ необходимымъ отвѣтить на эту „во многомъ фарисейскую іереміаду“ и не безъ нѣкоторой запальчивости распространяется, съ одной стороны, о невозможности для дорожащаго своею жизненностью журнала заполнять свои страницы „громоздкимъ балластомъ и увѣсистымъ булыжникомъ“ вышеупомянутыхъ разборовъ, съ другой—о заслугахъ „Мисс. Обзорнія“ въ дѣлѣ разработки вопросовъ расколовѣдѣнія. Нисколько не отрицая этихъ заслугъ, нельзя не замѣтить, однако, что, будучи съ самаго начала органомъ преимущественно сектовѣдѣнія, изданіе г. Скворцова до послѣдняго времени оставалось вѣрнымъ этому своему характеру, не будучи въ состояніи заполнить пробѣлъ въ нашей духовной журналистикѣ, образовавшійся послѣ прекращенія издаваемаго проф. Субботиннымъ спеціально-противораскольническаго журнала. Не восполнило бы его, думается намъ, и то расширеніе программы „Миссіонер. Обзорнія“ въ пользу отдѣла расколовѣдѣнія и расколообличенія, какое обѣщано

на 1903 годъ. Во всякомъ случаѣ, „благородное соревнованіе“ съ нимъ на этомъ поприщѣ не можетъ обѣщать ничего, кромѣ пользы для дѣла противораскольнической миссіи. Поэтому мы съ искреннею радостью привѣтствуемъ появленіе новаго, начавшаго выходить въ 1903 году, спеціально-противораскольническаго органа „Православный Путеводитель“. Думаемъ, что эти чувства раздѣляетъ и самъ г. Скворцовъ, которому такъ дороги интересы и нужды миссіонерскаго дѣла. Съ характеромъ новаго изданія и содержаніемъ первыхъ его книжекъ мы надѣмся познакомить нашихъ читателей въ ближайшемъ своемъ „обзорѣ“.

И. Громогласовъ.
